

Карл Лазаревич Сергучёв

БОГОЧА

история Красного Шамана

Карл Сергучёв

Богоча. История Красного Шамана

«Издательские решения»

Сергучёв К. Л.

Богоча. История Красного Шамана / К. Л. Сергучёв —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505136-3

Книга создана по мотивам произведения якутского писателя и политического деятеля Платона Ойунского (Платон Алексеевич Слепцов) «Красный Шаман».

ISBN 978-5-00-505136-3

© Сергучёв К. Л.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ПРИСТАНЬ	7
МАСТЕР	8
СЛЕДЫ	9
ШАМАНЫ	10
БОГОЧА	11
КУЗНЕЦ ЛЕКЭС	12
БАБКА ДАЯ	13
БОГОЧА	14
ОРОС БАЙ	15
СЕНОКОС	16
ПИМА	17
ОБЕД	18
БЫЧОК	20
СОН	21
УТРО	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Богоча

История Красного Шамана

Карл Лазаревич Сергучёв

© Карл Лазаревич Сергучёв, 2019

ISBN 978-5-0050-5136-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

– Ты не можешь меня оставить здесь. Я... У меня больше никого нет и никто меня не защитит. А я могу уйти с тобой. Шаману ведь всегда нужен помощник. Я буду помогать тебе. А потом я тоже стану шаманом. Я стану большим шаманом... – Голос мальчика звучал надрывно и почти что переходил на крик.

Богоча с невозмутимым лицом сидел на сваленной жердине, опершись плечом на столб изгороди, и молчал в ответ. Руки его спокойно перебирали вязку металлических подвесок от шаманского плаща. С другой стороны от изгороди, торчал высокий ствол столетней засохшей лиственницы, когда-то опаленной молнией. Верхушка дерева была сбита, а вдоль ствола прошла глубокая трещина до самых корней.

– Ну почему ты уходишь? Как ты можешь уйти? – с всхлипом продолжал мальчишка. – Ты знаешь, я чувствую в себе силу. Никто не знает... А я, я, я часто выхожу на ветряные скалы. И там стою. На самом краю. Поначалу это было страшно. Но потом я перестал бояться, и привык. Я теперь хорошо стою на краю, даже закрыв глаза. И тогда, я вижу и чувствую как все внутри... Ты ведь сам знаешь – как это... Мне даже нравится, когда начинает разламываться голова. Трескаются скулы и глаза отваливаются по сторонам. И тогда у меня тогда выходит вперед нос. Он становится как кость, а еще длинным и широким. И черным. Вся моя голова уходит в нос, а шея уходит в плечи. Вот тогда у меня чешутся пальцы. Все пальцы. Локти выворачиваются. Руки покрываются пухом. На ногах растут когти. Потом я задыхаюсь от того, что спина выворачивается в лопатках. Язык не меня слушает. Он как-то бьется внутри моего костистого носа, и это не нос, это клюв..., и я не могу даже закричать, хоть что ни будь. И тогда вот все мое тело покрывается жесткими перьями. Они как железо. Я раскидываю свои руки. Это крылья. Я отталкиваюсь ногами-лапами. И я лечу... Лечу... Я, Орел... И я столько всего вижу... И могу... Ох как..., я даже могу разорвать лису... Не оставляй меня здесь. Забери меня с собой.

Богоча спокойно и серьезно смотрел на плачущего мальчика. Потом одной рукою, крепко взял его плечо, приблизил к себе и очень ровным голосом проговорил, – Ты не можешь уйти со мной. А я не смогу остаться с Вами. Запомни сейчас... Только того что ты видишь, мало. Шаман – не может быть шаманом для себя или для лисы. Шаман должен быть среди людей и для людей. А я пришел из черной тайги... Я знаю и понимаю, что ты видишь... И мы вместе может быть, и знаем как приходит сила. Но запомни. Запомни... Маленький шаман должен вырасти среди людей, что бы стать большим... Жить ты будешь у кузнеца Лекэса. Он знает. Все, теперь повернись. Смотри, видишь трещину...? Вязку я оставлю здесь. Ты можешь приходить сюда. Но ее не трогай, потом у тебя появится своя. И здесь тебя никто не тронет.

Богоча подошел с мальчиком к дереву и бросил вязку с пластинами в трещину ствола засохшего дерева. Потом медленно отпустил плечо мальчика. Тот некоторое время пристально смотрел на трещину в стволе, потом повернулся, хотел что-то сказать, но вокруг никого уже не было.

ПРИСТАНЬ

...Это описание возникло у меня из воспоминаний или домыслов, после одной встречи, в городке Якуцке, во время которой я услышал немного странную, но очень интересную историю. Рассказал мне ее, очень даже воспитанный молодой человек якуцкой национальной принадлежности. Он вел какие-то образовательные дела в местном клубе приказчиков и даже разбирался в хороших сортах чая. Чаепитие происходило при гостинном дворе, на пристанной набережной реки, на досчатых тротуарах, высланных вокруг большого, сине-черного, рубленого деревом строения. Под поля модного тогда коротенького котелка врезались лучи очень яркого солнца, из-под телег тащило желтой тяжелой пылью, а в воздухе витал, подгоняемый ветерком с реки, густой аромат лугов.

Сам рассказчик, энергичный молодой человек, в хорошего покроя троечном костюме, выглядел даже элегантно для такого вот «портового» городка. А на мое замечание о некоторой тусклости Якуцка, с подслеповатой усмешкой выразил свое согласие, но добавил, что жизнь якутов в основе складывается не здесь, в губернском центре, а где-то там, в глубинке. И фамилия его была подстать прищурю и усмешке – господин Слепцов.

– В глубинке, куда ж еще глубже – бросил я реплику.

– Есть еще много жизни на этой благословенной земле, пока еще неизвестной Вам своим укладом, – заметил он, – Земля-то здесь, ох какая большая, а ведь многие люди в вашем мире даже и не знают, что есть тут город Якуцк, даже с Христианской церковью и монастырем. И для вас тут многое может показаться, очень даже по – феодальному – выразил он свое мнение.

– И как же это далеко, с этого места, – продолжал настаивать я.

– Далеко-то, далеко, – усмехнулся господин Слепцов, – А так, можно начать хотя бы, вон с той стороны реки. Если время есть...

Времени у меня было достаточно.

Вот так я услышал историю о жизни в тайге и о Красном Шамане.

Вот так и возник у меня этот пересказ событий, составленный после из каких-то действительных картин и воспоминаний, и некоторых моих собственных, а может даже и не собственных характерных представлений об этих людях и тайге.

То, что я услышал, заставило меня, потом, внимательнее относиться к людям этого края и запоминать все поподробнее. Все – что было, и с чем я встречался. Я сейчас вспоминаю, или что-то придумываю, но стараюсь пересказывать только то что, по-моему, сможет точнее передать красочность и яркость жизни в Якуцких наслегах.

Это особый мир – жизнь в тайге. А тайга там везде.

И там есть люди.

МАСТЕР

Одно из первых моих представлений – это вид сильных и умных рук якутского мастера-вого, которые колдовали над тягучим расплавленным серебристым металлом, разливали его из кузнечного ковша по резным на дереве формам, где с каждой каплей возникали остывающие узоры мира.

Силуэты птиц, животных, деревьев и трав.

А когда эти силуэты, сброшенные рукой кузнеца с формового лотка, рассыпаются по снегу, они оставляют за собою оплавленные следы.

Следы на снегу.

И из этих форм и узоров возникает на сугробе движение.

Хруст, шипение, рыхлый обваливающийся снег и идущий по снегу человек.

И следы на снегу...

СЛЕДЫ

Человек продирался к кромке леса, шаг за шагом пробивая снежный целевой наст, ведя под узды серую длинношерстую лошадь. Сбитый с мохнатой лапы снежный ком, рассыпаясь в ледяную крошку, попадал под яркий солнечный луч и таял на игольчатых ветках, обращаясь в капель.

Вот с такой первой набухшей капли всегда пробуждается прозрачная весна, наполненная таянием и разливом вод. А там и лето.

И уже по расцветающему июньскому теплу, путник, пройдя вдоль тихого журчания ручья, выйдя из свежей зелени леса, остановится перед застывшим у озерца жильем.

ШАМАНЫ

Молодой парень обошел еще крепкий рубленый дом, прошел вдоль сбитой изгороди и плечом выправил покосившийся столб. После, парень развьючил лошадь и, вынув из седельного кожуха большой плотницкий топор и начал колоть дрова.

Уже в доме, присев к комельку, парень бросил в очаг поленья, несколько лучинок и большой кусок бересты. Ловко взбив кресалом искру на лучины, он развел огонь, взял в руки камень и принялся точить топор. Отблески разгорающегося огня отражались на блестящем лезвии, покрывали теплом молодые, сильные руки, оживляя все вокруг, давая новое неторопливое раскрасневшееся дыхание всему дому.

Бьющиеся, скачущие искры, суетливое пламя на рыжих, рыжих углях.

А в другой юрте, над тлеющими углями закашлялся рыжий старик. Он поперхнулся табачным дымом, как будто проглотил целый дымный хапок тюптяшки.

– Кеся! Кхо-кхо...! Быстро стучи! – закричал старик пронзительным голосом. К нему быстро подбежал мальчишка и деревянной плоской колотушкой стал похлопывать старика по спине. Тот, взхлеб, громко и зычно прокашливаясь, продолжал сидеть перед комельком, как бы окуная свою рыжую голову в горловину очага.

– Ах, ты! – запричитал вдруг старик, – Ты!, откуда взялся!... – и отмахнувшись от мальчишки, он вскочил перед комельком, затопав ногами. Курительная трубка полетела в сторону.

– Ты, кто? Откуда? Ты заглядываешь сюда? Ты, что видишь? Тебя здесь только не хватало!

Лицо его покрылось пунцовыми пятнами, правый белесый глаз стал еще прозрачнее. Его затрясло. Старик выхватил из рук мальчишки колотушку и замахал ею над углями. Потом резко остановившись, пристально взгляделся в мерцающие угольки очага. Над ними плавно вздыбились рыжие языки пламени.

– Кеся! – зашипел старик, обращаясь к изумленному мальчишке, – Мальчик, беги. Беги-ка, мальчик, к восточной окраине. Туда, через пролесок. Там, за дальним полем, у дальнего края озера, в заброшенном доме появился человек. Побеги посмотри-ка, что там за поселенец. И трубку! Подай мне мою трубку, куда она свалилась.

Мальчишка поднял с пола трубку, невнятно буркнув, что то, сунул ее в руку старику и выскочил из дома.

– Гадик, маленький гадик, – прошипел старик. Он, поковырявшись маленькой лопаткой в трубке, сбил прогар в комелек, взял с кисета щепотку табака и, замешав ее сушеной травкой, забил трубку. Протяжно затянувшись, старик прикрыл глаза, и снова закашлял.

– Да, что ты будешь делать, не сиди в кустах, не ковырай ветки, беги парень, я тебе говорю, беги.

Мальчишка тем временем, взяв в руки палку, нацелился в замершего на коряге бурундука. Вдруг сбоку, из-под поваленной лесины, высунувшись, оскалилась рыжая лиса, твякнув на парня, показав ему острый ряд немаленьких клыков. Мальчишка изумленно вскрикнул, отпустил из рук палку и бросился по тропинке в глубину леса.

БОГОЧА

Парень, среднего роста, широко размаха плеч, в простой холщовой рубахе халадай, неспешно разбирает разбросанные по земле жерди. Подрубая их топором, короткими кусками он подклинил обвисшие пролеты изгороди, после чего собрав обломки и щепу, разжег посреди двора небольшой костер. Бездымный острый огонек, разъедая сушеную щепу, весело побежал по обломкам, но после, как бы остановившись, вдруг дохнул едким клубком дыма. Парень замер над костром, внимательно вглядываясь в отсветы огонька в дыму, как будто бы кому-то в глаза, потом отмахнувшись рукой от въедающегося дыма, резко остановил его поток и развеяв по воздуху. Потом с легкой усмешкой, проговорил, – Сразу же, гости начались. Вот оно как.

КУЗНЕЦ ЛЕКЭС

Кузнец Лекэс поворачивал раскаленный прут на горниле печи, как вдруг сноп искр вздыбился под мехами, обдав мастерового горячим жаром. Кузнец отпрянул от огня, задев жердяную стойку, которая с грохотом обвалилась. С верхнего яруса перекладины вывалился кожаный торбос, рассыпав по земляному полу подвески и вязки старого шаманского плаща.

Кузнец поднял одну из подвесок.

Это был кованый силуэт летящей птицы.

– Ну вот, это уже новость, – пробормотал кузнец, крепко сжав в кулаке подвеску. Он поднял шипящий на сваленных жердях остывающий железный прут, внимательно просмотрел границу жара на синеющем металле и, удовлетворенно хмыкнув, положил его на наковальню.

– Ты будешь нужен, – непонятно кому и про что, ухмыльнулся кузнец. Потом вывернул из ладони подвеску, рассмотрел ее на свет и в тень, и радостно засмеялся.

БАБКА ДАЯ

Старая повитуха Дая, напряженно и внимательно вслушивалась в шум подкатившего возка, потом долго вглядывалась в лицо запыхавшегося кузнеца, и немного погодя, заулыбавшись во весь свой беззубый рот, спросила, – Лекэс, ты чего такой, как не с того места свалился?

– Да вот, новость... – пробормотал Кузнец, – Понимаешь ли, сперва, огонь шибанул меня, потом торбос вывалился, и вот... Кузнец раскрыл ладонь, и старуха увидела в его крепкой узловатой руке кованую птицу.

– Ничего себе, видать это наш парень пришел на засеку, в старческий дом, промолвила Дая.

– Какой парень? – спросил кузнец.

Старуха суетливо забегала по дому, вытаскивая и собирая всякую снедь, – Уже сказали, видели молодого парня. Он дом старца обживает. Много лет там никого не было, и вдруг кто-то посмел. Пойдем со мной, посмотрим, поможем, узнаем. Старика моего возьмем, тоже, может быть, чего ни будь да скажет...

Старуха замотала узелок со снедью и, зычно кашлянув, вышла через покатуную дверь на двор – Эй, старик, чего сидишь? Двигаться пора!

Кузнец Лекэс вывалился на двор и увидел что старуха, уже набросав вещички в его повозку, сама забирается на козлы.

– Закидывай старого в телегу, поехали, – решительно прокомандовала Дая, – Да не стой, поехали уже...

Кузнец подхватил под мышки старика Савву, и закинув его в возок, словно мешок с сеном, сам забрался на верх. Вырвав из рук старухи поводья, он хлестанул вожжами вдоль хребта своего коня. Возок вздыбившись, покатился с места, оставляя за собой клубы желтоватой пыли.

БОГОЧА

Парень молча наблюдал как на его дворе, и в доме закипело все под руками и бормотанием старухи Даи. Куда-то девалась пыль с пологов, столов и перегородок, вкусно запахло маслом, и вар из большого прокопченного чайника забурлил, обдавая дом влажным теплом.

Дая вдруг резко остановилась и, как-то по-особенному, настороженно посмотрев на парня, спросила, – Деда давно видел?

– Он приходил ко мне в последний раз за день, как я пошел с кордона, вот уже месяца три прошло, – ответил парень.

– Звать тебя как?

– Он называл меня Богоча.

– Хм, придумает же старый, ну да ладно, назвал и назвал, – сказала Дая, – зови меня Бабка Дая, можешь просто Бабка, лучше Дая. Это – старик Савва, а это Кузнец Лекэс, держись его... Он то, точно будет тебе нужен. И смотри внимательно вокруг, сейчас все будут сильно к тебе присматриваться.

– А ты что тут лазишь под ногами? – вдруг резко закричала старуха на появившегося из-за печки мальчика, треснув при этом мальчика мокрой тряпкой по усмехающейся роже, – и не смотри на меня так, а то глаза расплзутся...

– Не расплзутся, – с привычной усмешкой в ответ кинул слово малец, и быстро прощмыгнул к двери хотона.

ОРОС БАЙ

Мощным размеренным шагом, рослый и крепкий косарь вел линию по травянистому склону. Дойдя до края поляны, он вывел скошенную линию на разворот, как вдруг звон и бряцанье железных колокольчиков остановили его.

– А-а, старый Лис едет, – усмехнулся рядом идущий косарь, – Ну-ну, чего это там его привело...

На край поляны из-за пригорка выкатилась легкая повозка, запряженная резвой кобылой. Залихватски пощелкивая тонким, с удлиненной ручкой кнутом, повозкой правил старый шаман.

Празднично одетый, в фиолетовой шелковой косоворотке, подпоясанной на три ряда многоцветным кушаком, в китайской широкополой шляпе, старый шаман выглядел важным, и видать, с важными новостями.

Повозка легко и бесшумно остановилась перед косарями. Старик сполз с коляски, обмахнулся большого размера махалкой от гнуса и, оперевшись ногой на ступень, гулко кашлянул.

– Здравья, Орос Бай! – поприветствовал старик.

– И тебе здорья...

– Новости какие есть?

– Да, вот косим, какие еще новости, нету новостей. У тебя все новости... – заканчивая обмен любезностями, рассмеялся Орос.

– Да и у меня нет. Вот только на засеку, в заброшенный дом старца, парень один пришел. Пришел, как к себе домой. Изгородь править начал. Селянские помогают обживать.

– Ну и что? – Орос протер косу-литовку травой, вынул из голенища брусок и ловко начал править лезвие косы.

К собеседникам стали подтягиваться косари.

– Здравья, Старец.

– А-а, здорья и вам... – нехотя пробурчал старик.

Косари подходили, но держались сторонкой. Улыбаясь, но сторонясь прямого попадания на глаза старику, они выстроились рядком, опираясь на косы, явно пользуясь случившимся перерывом.

– Ну, что встали? Нечего отдыхать. Солнце еще не поднялось, а вы тут столпились. Работаем, а ты иди к табору, я подойду – скомандовал Орос.

СЕНОКОС

Орос вышел на ряд и широко махнув косой, пошел по линии. Остальные нехотя стали выстраиваться вслед. Он шел мощно и ровно, оставляя по левую руку жирно сбитый навал травы. Сразу ударила испарина. Лицо его покраснелось от движения, выдавая в нем белую кровь и бурлящий норов, хотя во всей осанке виделась привычка к крепкой работе.

Старый шаман, взяв в узды кобылу, повел ее кругом к табору косарей, наблюдая, как правильно укладывается под косами сочная цветистая трава. Луговой цвет отдавал дурман-ным запахом. Старик, чему-то улыбаясь и, что-то бормоча про себя, вел возку по краю алааса, одной рукой волоча за собой вожжи, другой лениво отмахиваясь от назойливых слепней большой махалкой. Лошадь, как бы повторяя движения старика, обмахивалась длинным хвостом, подрагивая от прикосновения и укусов нападающих мух. Коляска побрякивала колокольчи-ками, слегка поскрипывала на кочках, продавливая кованым полозом колеса травянистый край поляны.

Орос, дойдя до нового разворота, остановился и, дождавшись идущего следом косаря, отмахнул ему рукой.

– Кухума, иди сюда, поведешь остальных, а мне надо договорить там. Старый пришел не просто. Ты смотри, не давай стоять другим. Лето нынче короткое, сам знаешь.

– Хорошо, Хозяин, – ответил косарь.

В этот момент, со стороны подбежал взлохмаченный паренек.

– Хозяин, – обратился к Оросу парень, остановившись на почтительном расстоянии.

– Чего тебе, Микитэ, – спросил Орос, вытирая косу пучком травы.

– Там, по западному склону, на кочкарнике, Пима траву косит, прямо в воду...

– С утра косит?

– Да, и траву он с воды даже еще не поднимал.

– Он что, там один?

– Да он и так все время один, – заливаясь смехом, ответил парнишка.

– Дурак безмозглый! Он и по жизни и в работе такой, – сердито гаркнул Орос,

– Хорошо, Микитэ, возьми мою косу, отнеси на табор, скажи старикам, пусть сетки поднимают, а тетки котел уже поставили, я скоро подойду.

Он срезал прут с ивового куста и прямиком двинулся через лес.

Кухума строго посмотрел на улыбающегося Микиту,

– Не стой, давай иди. И вы, – обратился он к подходящим косарям, – не останавливайтесь, разворачивай линию и вперед, я последним пойду.

– Эй, что? Давай отдохимся, немного, – бросил просьбу кто-то из косарей.

– Потом отдохните, зимой, и отдохните и отоспитесь! Пошли уже, лето короткое.

Косари уже выстраивались и выходили по своим линиям.

Кто-то вдруг подпел, – Э-эх! То-ох! Тыэл суох...

Косари засмеялись шутке, и дружно двинулись по травяной стезе. Только свист полотен по крепкой траве, продолжал напоминать какой-то песенный запев, растворившийся в густом жарком летнем воздухе.

ПИМА

– О-ой-ой, надо же... – запричитал, завидев грозно надвигающегося Ороса, худой, изможденного вида человек. Бросив в сторону маленькую, тонко уточенную косу-литовку, Пима попытался сбежать через развесистый кочкарник. Но Орос ловко перешагивая через болотные преграды, быстро настиг беглеца и, схватив бедолагу за загривок, и вытащил его на лужайку.

– Я тебе что говорил, возьми закуток и коси, я с тобой поделюсь, будут у тебя бугулы на обмен. А ты траву мочишь, с самого утра из воды поднять ленишься. Зачем мне гнилая твоя трава. Ты, дурак! Как же ты мне надоел! – хлеща Пиму прутом, громко и сердито ругался Орос.

– Эй, ты! Ну-ка хватит, я тебе сам сейчас как дам. Ты кувырком улетишь. Хозяин, понимаешь ли, нашелся! – вдруг в ответ, плюясь и отмахиваясь тонкой ручонкой, пискляво заартачился Пима.

– Что? – закричал Орос, оторопев от такой неожиданности. – Ну, ты! – прошипел сквозь зубы Орос, и с маха шибанул извивающегося Пиму кулаком по скуле. Пима кубарем отлетел на несколько шагов и жалобно заплакал, утирая разбитое в кровь лицо мокрыми ладошками. Он встал и пошатываясь попытался сорвать широкие листья травы, чтобы остановить кровь. Тем самым еще больше размазывая ее по лицу и разбрызгивая вокруг.

– Вот, меня всегда бьют, а ты-то прямо в кровь. Какой ты человек? Я траву просто не успел сейчас, потом бы собрал и высушил. Все высушил бы, по травинке. А ты меня в кровь. Все меня обидеть хотят. Все мне теперь жить не дают.

– Ну, ты даешь! – опешил Орос. – Ну, ты... – и потеряв недосказанную фразу, он, махнув рукой, развернулся и пошел прочь. Отойдя на несколько шагов, Орос остановился и через плечо бросил, – Траву вытащишь, высушишь, пусть с этого места вся будет твоя. Но только с этого места. Проверю. И не лезь мне на глаза. Скоро обед, подойдешь, тетки тебя накормят.

Орос не оглядываясь широким шагом, уходил по взгорку.

Пима все еще утирая с лица кровь, корча рожи, выпирая язык, продолжал плакать и смеяться одновременно.

ОБЕД

Старики-работники выводили утлые лодочки, заваленные до полуборта карасями к берегу. На развернутом вдоль озера таборе сенокосчиков, уже дымились костры, где весело заправляли готовкой несколько женщин. Разворачивая из матерчатых суровых полотен пресные лепешки, молодые девки внюхивались в них маленькими носами, и смачно вдыхая аромат хлеба, хохотали в удовольствие.

Орос, выйдя из опушки, заулыбался при виде хохочущих девчонок. Поодаль от них, рядом со своей коляской пил горячий чай из пиалы распаренный шаман Лиса. Девушки раскладывали по длинным, жердяного настила, столам лепешки, расставляя по краю жестяные кружки и деревянные плоски для мяса и супа. Туесами выкладывалось на стол масло. Тетки уже тащили большие резные миски, полные мяса. А в котлы, в кипящую воду, уже подливали молоко и закидывали потрошенных карасей.

– Айя, полей, – обратился Орос молодой работнице. Девушка, большим черпаком обильно пролила спину, шею и руки Орос Бая.

– Спасибо, доча, – с счастливой улыбкой, проговорил Орос и подошел к столу. Присев он вынул из кармана кожаной сумки брегет и, сравнив время на стрелках с солнцем, удовлетворенно хмыкнув, скомандовал подоспевшему Микиткэ. – Бей на обед...

Микитэ побежал к висящему на сосне металлическому бруску и заколотил по нему железным прутом. Бряцающий звон полетел по округе, сзывая работников на обед.

Орос подошел к старому шаману и, присев на ступеньку коляски, медленно начал разговор.

– Ну, что там за явление?

– Понимаешь, Орос, – начал старик, убирая в свою сумку опустошенную пиалу и вынимая оттуда же кисет с трубкой. Трубка была завернута в синий бархатный лоскут ткани.

– Понимаешь, Орос. Когда наш великий старец уходил, он ведь сказал, что на его место придет другой человек. От него. И все будет уже по-другому. Не нравится мне это другое.

– По-другому, говоришь? – Орос Бай вьедливо, жестким взглядом осмотрел старика, – У тебя может и будет по-другому. А что, другое может быть у меня? Что-то может изменить мою жизнь? У меня такие стада, их можно в сундуки складывать деньгами и золотом. Сундуков не хватит. Кстати, хорошая мысль пришла, пересчитать поголовье перед свадьбой дочери. Отрежу в наследство хороший кусок. И даже не обеднею. Просто не замечу. А кровинка моя будет обеспечена на всю жизнь. Человек пришел, говоришь. Вот ты на него и посмотри. Сельчане говоришь, помогают, да они мне все должны. Я их хоть под телячий хвост, да хоть сожгу... Я здесь управа. И никакой пришлый у меня ничего не изменит. А если уж что там, по вашим шаманским правилам, ты-то на что? Я для тебя много чего сделал. Ты же, что бы стать сильным шаманом, ни в не нуждался. А сейчас, тем более, ни чем не нуждаешься. Вот сам и посмотри.

Старый шаман молча покуривал трубку, и отстраненно смотрел куда-то сквозь лес. С разных сторон к столу подтягивались сенокосчики. Кто-то шел ополаскиваться к озеру, а то-то растерев руки об холстину штанов, садился прямо к столу.

– Или боишься, что не справишься? – уточнил Орос Бай, – Так ты так и скажи, мол, силы оставили меня. Я уже ничего не вижу. Тогда-то вот, я и поговорю с пришлым. А если он шаманский человек, я возьму к себе и его. Не бойся, тебя-то уж не брошу. Ты все равно самый мудрый... Хоть и старый. Ты мне дорогу хорошую проложил. А Орос Бай добро помнит.

– Ладно, Орос. Старый Лис еще может видеть. Я посмотрю, а ты не думай. Я просто пришел сообщить тебе новость. Да и на свадьбе я молодым хорошую дорогу проложу. А с большого дома Шаман будет?

– Кто-то из них обязательно будет, – ответил Орос, – Пообедаешь с нами?

– Да нет, чай попил уже, наелся.

– Ну, смотри сам. Чай не еда, а так, думка..., – рассмеялся Орос.

Он, поднявшись со ступеньки коляски, направился к столам, за которыми обедали его работники, проговаривая про себя на ходу, – Другой человек пришел, парень какой ни будь. Ишь ты, засутился старый Лис. Поглядим завтра, что там за человечек.

БЫЧОК

Пима шел через лес, утирая все еще не унимающуюся на разбитых губах кровь. Он отплевывался розовой пеной и кричал, зная, что его никто не услышит.

– Орос Бай! Гадина! Меня ударил, всю морду мне разбил. Я сам разобью тебе морду! Такой большой, сильный, конечно, тебе легко меня побить. А я,

Он вдруг остановился, услышав шорох позади себя. Испуганно обернулся и, оторопев, упал прямо на тропу. Позади него стоял черный бычок. Только белое пятно на лбу делало его не страшным.

– Ты, животное! Напугал меня совсем! Дурак, ходишь один. Кто-то ищет тебя, а ты меня пугаешь!

Пима внимательно посмотрел на бычка, что-то его смущало. На нем не было не колокольца, ни завязки.

– Эй, животное! Ты чей? Пима обошел вокруг бычка, рассматривая его круто поставленные бока, и не обнаружил ничьего знака и никакого тавра.

– Да ты, я погляжу совсем ничей! Тогда может быть ты мой? А-а, Орос побил меня в кровь, и за это духи прислали тебя ко мне. Орос же подарил мне сено и ко мне пришел бычок. Это назло Оросу. Тоже мне бай, теперь я сам бай. У меня есть и сено, и бычок. Я заработал его кровью. Пойдем со мной, дурак, пойдем, пойдем. Только я тебя спрячу на засеке, Там тоже есть духи, они нас прикроют. И мы с тобой заживем.

Пима сорвал с куста ветку и погнал заблудшего бычка по тропе.

Так вел он бычка, рассказывая ему про новые планы. Солнце уже клонилось к кромке леса, обдавая мягким теплым светом две фигуры, бредущие под закат.

СОН

Богоча лежал не спальной лавке, прямо, на спине, вытянувшись во весь рост, сложив на груди руки. Над его головой свисала подвеска птицы, принесенная кузнецом. Лицо было беспокойно и напряженно. Только отсвет углей с очага оживляли темную синеву углов дома. Чьи-то сухие старческие руки взяли подвеску, повертели ее на весу и вернули на место. Парень как будто видел происходящее.

– Спишь, парень, ну спи... – раздался спокойный мягкий голос.

– Дед, это ты? – спросил, не открывая глаза Богоча.

– Я, малыш, я... – прозвучал голос в ответ.

– Зачем я пришел сюда, зачем я пришел ко всем этим людям, – забредил во сне Богоча.

– Я оставил это место и этот мир, потому что тело устало совсем. И я отдал свои силы тебе. Нет, конечно, у тебя еще знания и умения. Но ты воспитался так, что сохранил силу. И чтобы она не пропала, нужно вытащить ее из себя. Тогда можно и применить. Но ты должен понять смысл ее применения. Главное – это суметь встать на путь и запомнить дорогу. Тебе я думаю, это под силу. Как ты это сделаешь – я не знаю. Но люди помогут. Они нужны тебе, и ты им. Они все очень хотят перемены. Они готовы к ним и будут надеяться не тебя. Ты не можешь их подвести. Но как это получится, этого тоже я не знаю. Каждый вечер наблюдай за луной, она тоже поможет.

– Дед, кто-то хотел ущипнуть меня через огонь.

– А, это был старый Лис. Это он от страха и беспокойства. От страха он может и навредить. Опасайся его, он и в правду вредный. Слишком привык хорошо есть. И за такую почву, что бы она осталась, и не пропала, он будет давиться. Ты просто будь поспокойнее, и никогда не отпуская своего внимания. Прости меня, парень, не простую жизнь я устроил тебе. Но ты крепкий, вынесешь. Должен вынести и вытерпеть.

– А если я не захочу? – так же, в сонном бреду спросил Богоча.

– Тогда плохо, – ответил голос.

– А если я не смогу?

– Тогда ты просто умрешь...

Богоча, через некоторое время, приоткрыл глаза. Вокруг никого не было. Только силуэт птицы болтался перед его лицом, над головой.

– Думаешь, это какой-то шаг для всех? – Богоча заметался на месте. Его голос гулко отдался в темных углах дома. Но никто не ответил на вопрос.

УТРО

Богоча, распахнув дверь, вышел из дома и решительно направился к амбару, стоящему поодаль. Старый, запыленный амбар, казалось было, хранил в себе какие-то тайны. Но кроме расставленных повсюду утвари и бытовых вещей ничего особенного не было. Парень открыл сундук, наполненный простой одеждой, вытащил и бросил их на земляной пол.

– Там ничего нужного для тебя нет, – раздался вдруг сзади голос. Темным силуэтом, в дверном проеме амбара стоял кузнец.

– Давно ты здесь? – спросил Богоча.

– Да нет, только подошел и увидел, как ты начал метаться. То, что может тебе пригодиться, у меня.

Кузнец отошел от проема двери, в глаза Богочи, ударил яркий сноп света, наполненный цветом травы и яркой синевой неба. Богоча вывалился в световой прем, прищурился на солнце и сказал, – Дед ночью приходил.

– Должно быть, – откликнулся кузнец, – Старик твой вот уже девятнадцать лет как покинул этот мир, но все равно дает о себе знать. Сильный был шаман. Очень сильный. А тебе сколько лет?

– Двадцать шестое лето.

– Девятнадцать и семь. Должно быть правильно рассчитал старец, – серьезно проговорил кузнец.

– Что у тебя есть? – тревожно спросил парень.

– Когда дойдем до меня, я покажу.

В этот момент, со скипом и грохотом подкатила телега, запряженная такой же старой, как и возница, лошастью.

– Стоп. – прокомандовала кляче Бабка Дая. Старик Чочос медленно, через бок сполз с телеги, а старуха резво соскочив с места возки, накинула вожжи на столб изгороди. В теоеге остались сидеть молодые парень с девушкой, внуки стариков.

– Ты тоже, как посмотрю, рано собрался, Кузнец. Хорошее утро. День будет жаркий. Ну, здоровья тебе, и всем здоровья.

– И тебе, здоровья, Дая.

– Как спал, парень? На новом месте, говорят, весело спится, а в таком-то доме еще как.

– Ничего, спал ровно.

– Ты не задумывайся про нас. Нам тебя завещал твой дед. И мы поможем тебе расположиться в этом доме. Здесь много лет никого не было, только мы приходили да посматривали. Надо еще булус посмотреть, на хотоне все подправить. Хоть ты, парень, как я погляжу, самостоятельный, но мы все равно поможем. Хорошо?

– Хорошо.

Со стороны деревни, из-за пролеска, под легкий звон бубенцов, появилась коляска Лисы шамана.

– О, черт... Нелегкая его сюда притащила. – пробормотала бабка, – Заволновался, видать, Старый Лис. И уже обращаясь ко вновь прибывшему, объявила приветствие, – О-о, да это сам Старый Лис, в такую рань, сорвался с мягкого места. Здоровья тебе. Пришел поприветствовать нового поселенца?

– Уймись, старая, – прикрикнул на бабку Лиса Шаман, – лезешь ты везде. Нигде проходу от тебя нет. – Выругался, по ходу спускаясь с коляски, Лис.

– Ну, ты меня еще здесь не останавливал... – в ответ отпаривала бабка.

– Нужна ты мне, – одернул ее Лис, – Мне посмотреть надо на гостя, да и потолковать с ним.

– Он не гость в этом доме. А хозяин! И ни кто ему здесь не указ, – вступилась бабка.

– Прикуси язык! – зло прикрикнул на старуху Лис. Бабка Дая напряглась, явно готовясь ответить шаману, но ее остановил кузнец, встав перед ней и упершись ей в глаза. Ребятишки в телеге прижались, старик Чочос проковывлял к краю амбара, прячась за старухой и кузнецом. Только парень остался стоять посреди двора. Внимательно и спокойно рассматривая незваного гостя.

– Здорово, парень!

– Здоровья тебе, – спокойно ответил шаману Богоча. Потом как бы вспомнив, проговорил, – Да я знаю тебя, я тебя видел. Ты же уже приходил ко мне...

– Увидел, говоришь, меня. Даже разглядел...

– Нетрудно запомнить. Борода такая, наверное, тут одна, – спокойно ответил Богоча.

– Ну, как устраиваешься, надолго ли?

– Мне подсказали, что здесь я смогу устроиться надолго.

– М-да. И кто советчик? И что ты тут собираешься делать? На что жить? Кто будет кормить тебя? Не забывай, что все, что есть в округе, имеет хозяина. И без его внимания, ничего здесь не происходит. Может, помощь нужна? Скажи, мы люди добрые, можем хорошо помочь. Такого видного парня, устроим как родного племянника, – медленно, с хитроватой улыбкой проговорил Лис.

– У этого дома не может быть другого хозяина, кроме меня. Так мне дед сказал и тень его всегда со мной.

– Тень его с тобой? – вдруг вскричал Лиса Шаман, – Что-то я не вижу ее здесь, вижу только тебя и этих людишек. Так что если ты говоришь «тень», это только ты. Запомни, ты сам – лишь тень на этой земле. И даже неважно чья. И людишки эти – тоже только лишь тень! Лиса Шаман бросил взгляд на сгрудившуюся семейку. Потом развернулся к Кузнецу, в упор просверлил его жестким взглядом, но ему ничего не сказал. После чего повернулся к Богоче,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.